

УДК 83.11

DOI: 10.31029/vestiyali23/6

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА ЖАННЫ АБУЕВОЙ В ЦИКЛАХ СТИХОВ О ДАГЕСТАНЕ

З. К. Магомедова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского ФИЦ РАН*

Статья посвящена рассмотрению тематических и художественных особенностей цикла стихов о Дагестане Жанны Абуевой, автора, пишущего на русском языке, но обладающего национальным видением.

Ключевые слова: красота горных пейзажей, священный пафос, тема родины, основы мировидения.

The article considers thematic and artistic features of the cycle of poems about Dagestan, the author who writes in Russian, but possesses the native vision.

Key words: beauty of mountain landscapes, sacred pathos, homeland theme, foundation of the worldview.

Поэтическое творчество Жанны Абуевой хорошо знакомо дагестанскому читателю и любимо им. Вся образная система ее стихов находится в контексте русского языка, но в описаниях родной природы, в топонимике очевидно национальное видение автора. Само название поэтических сборников – свидетельство приверженности ее к теме любви к родине. В 2013 году вышла в свет книга с «говорящим» названием: «Дагестан, любовь моя и боль...». Здесь же помещены циклы стихов «Тебе, любимый мой Кавказ», «Песнь о Дагестане», собственно стихи из цикла «Дагестан, любовь моя и боль...».

Все авторы, пишущие о Дагестане, объединены общей темой, но каждый разрабатывает ее по-своему. У кого-то это многоцветье красок, восхваление красоты горных пейзажей, мужества горцев, а кто-то исполнен священного пафоса, когда касается темы родины. Прав известный поэт Ю. Кублановский, когда замечает: «...все-таки и самый священный пафос нуждается в многоцветии художественной полноценности» [2, с. 17]. Именно это многоцветие мы находим в стихах Жанны Абуевой. Она сумела передать основы своего мировидения, своего взгляда на события нового времени убедительно, страстно и пафосно.

Огромный, гордый, непокорный,
Таинственный, нерукотворный,
Ты возвышаешься могуче,
Громадой гор пронзая тучи.

Страна героев и умельцев
Приманкой был ты для пришельцев,
Равнины покорить сумели,
Но до вершин не долетели.

Пускай изучен ты пристрастно,
Но время над тобой не властно,
Гостей хоть щедро ты встречаешь, –
К себе их в душу не выпускаешь.

Громадный, грозный и могучий,
Тебя не выше даже тучи,
Кто в жизни раз с тобой пребудет,
Тебя вовек не позабудет [1, с. 2].

(«Огромный, гордый, непокорный...»)

Наличие устойчивых ассоциаций в текстах, посвященных Кавказу и Дагестану, встречается почти у всех, обращающихся к этой теме. В большинстве случаев – это просто традиция, для немногих же – культура, история, судьба народов. Это относится и к творчеству Жанны Абуевой, в котором, несмотря на разнообразие стилевых, тематических, жанровых особенностей, неизменной остается горячая заинтересованность в судьбе родного края.

Один у нас с тобой Кавказ,
На всех на нас, и каждый раз
Как если бы в последний час,
Глядит на нас с тобой Кавказ. <...>

В стихах речь идет, скорее всего, об эпохе конца тысячелетия, когда вся страна была охвачена тяжелейшим кризисом во всех сферах социальной и духовной жизни. В отличие от многих стихов на тему о родине, данный текст исполнен пронзительной грусти, несвойственной эмоциональной доминанте творчества Ж. Абуевой. Стихотворение выдержано в жанрово-стилевом ключе лирико-философского размышления. Особый колорит стиху придают определения, простые, с оттенком традиционности:

Залеченных и свежих ран
Не замечает ветеран,
В попытке выпрямить свой стан,
Папаху скомкал Дагестан.

Обманутый в который раз,
Фальшивых не приемля фраз,
Глядит зрачками старых глаз
На колыбель свою Кавказ....

.....
Один на всех Кавказ у нас,
Как в первый и последний раз,
Без фальши и цветистых фраз
К нам слово обратит Кавказ <...> [1, с. 4–5].

(«Один у нас с тобой Кавказ...»)

Сюжетно-образное и стилевое содержание этого произведения, речевые и образные формы выражают авторское сознание, угнетенное от беспомощного созерцания разрушения кавказского мира, казавшегося до того незыблемым и надежным. Эти же интонации и эмоции звучат в другом стихотворении этого цикла.

Горы брови сдвинули сердито,
День сегодняшний они не одобряют,
То, что ложью истина покрыта,
Что народ сегодня вытворяет.

Продал горец душу за монету
И азартным играм предается,

Приняв у разврата эстафету,
Он охотно блуду отдается.

Игровые залы-автоматы,
Казино, бильярды, дискотеки
И здоровье несшие когда-то,
Нынче фальшь несущие аптеки.

Некогда безгрешные, горянки
Нынче перекрестки измеряют,
А благочестивые селянки
Тайны Кама-сутры постигают.

То, чего вовек не знали горы,
Нынче с изумленьем наблюдают:
Не страшась ни Бога, ни позора,
По заказу горцев убивают.

Что это? Конец ли света скоро?
Иль Кавказ ввергается в пучину?
Брови хмурят недовольно горы,
Видя честь забывшего мужчину.

Дагестанцы, что случилось с нами?!
Выпала за что судьба такая?
Были мы защищены горами,
А теперь мельчаем, вымирая... [1, с. 11]

(«Горы брови сдвинули сердито...»)

Фактура текста, его наполнение, строгая пронзительность речи в перечислении признаков разрушения горского мира впечатляют своей искренностью и чувством боли от того, что происходит с доселе незыблемыми, как казалось, устоями.

В данном цикле каждый последующий поэтический текст подтверждает неизменность выбора автора, когда она облекает собственные экзистенциально-философские настроения в различные по своим жанровым признакам смысловые фрагменты, объединенные пафосом отрицания негатива, которым наполнены если не все, то многие проявления жизни. Эта фрагментарность и эмоциональная многозначность придает текстам дополнительную смысловую значимость.

В тематическом же аспекте каждый отдельный текст служит контекстом для другого. В целом же мы имеем яркий пример публицистического наполнения лиро-эпических текстов.

Который год Кавказ в огне,
Бой завязав у переправы,
И не видать конца войне,
Где обе стороны не правы.

Кавказа верные сыны,
И здесь и там герой – мужчина,
В чем смысл несправедной войны?
Что – следствие, и что – причина?

Который год уж льется кровь,
Кавказ слабеет и мельчает,

А на вершинах гор Любовь
В туманной дымке исчезает... [1, с.14]
(«Который год Кавказ в огне...»)

В лексике и интонации этих текстов слышится голос человека, хорошо знающего цену жизни, постигшего многие ее законы. И во все времена актуальна поэзия, которая впечатляет не только и не столько порывами своих эмоций, но и достоверностью и конкретностью, навеянных жизненным опытом автора. Как в лирических, так и в публицистических своих стихах Ж. Абуева выражает состояние души, которое часто свойственно человеку в зрелом возрасте, когда наступает гармония между разумом и душой, мыслью и чувством. Ее лирическая героиня демонстрирует душевную самоуглубленность, философичность. Стихи, пронизанные искренним чувством, несут в себе целую гамму то радостных, то грустных чувств и воспоминаний, не теряя при этом очертаний конкретной действительности. Она находит ту грань, когда незыблемость традиционных норм тематики лиро-эпического стиха превращается в живую мысль, статика – в динамику. Проблема трагизма современного бытия обретает различные оттенки, где есть место оптимизму и надежде. Наглядное представление о глубине проникновения лирической героини Ж. Абуевой в атмосферу, дух родного края находим во многих ее стихах.

К тебе, любимый мой Кавказ,
Я обращаюсь всякий раз,
Когда мне час раздумий дан,
Когда болит душа от ран.

В минуту слабости одну
Я вижу древнюю страну.
И вид тысячелетних гор
Ласкает мой смятенный взор. <...>

(«К тебе, любимый мой Кавказ...»)

В этих строках звучит восторг, любование мощью кавказской природы. С помощью художественного слова, отражающего искренние чувства и мысли, стремится Ж. Абуева передать радость бытия и гордость за свою родину. Проникновенные строки передают накал эмоций автора:

Земля – родная мать для нас,
Отец же нам – седой Кавказ.
Так будем благодарны им
За снежную красу вершин.

За птиц загадочный полет,
За песню, в сердце что живет,
Вокруг такая благодать!
К чему нам, братья, воевать?

Ведь наш Создатель любит нас.
Коль сотворил для нас Кавказ! [1, с. 24–25]

Наверное, это тот случай, когда человек испытывает потребность и находит истинное наслаждение в выплеске поэтических эмоций.

Таких стихов у Ж. Абуевой немало, и они своей цветистостью удачно оживляют слегка сумрачную картину общего настроения циклов, составляющих сборник «Дагестан, лю-

бовь моя и боль...». Сюда же можно отнести и стихи цикла «Песнь о Дагестане», полные воздуха и описаний многомерности горных пейзажей. Это одна из граней ее поэзии, в которой горные пейзажи сделаны как бы одним росчерком пера или одним мазком кисти, где внутренний мир переходит во внешний, и наоборот, а детали окружающего мира выписаны очень выразительно и красноречиво. И это не дежурные клишированные восторги, которыми грешат стихи многих современных авторов. Автор искренна порой до наивности. Это удивление и восторг сугубо городского жителя, который «осваивает» красоты горных пейзажей. Ж. Абуева – автор «городского текста» в прозе и во многих стихах, для которой город – средоточие всех ее жизненных и эстетических интересов. Такому автору трудно освоить сложную и противоречивую действительность сельской местности, а тем более принять ее до конца, вписаться в иную культурную парадигму, со сложным и не всегда понятными городскому жителю устоями и ритмом жизни. А не освоить это – значит искусственно ограничить свои возможности раскрытия жизни во всей ее полноте и противоречивости. Ж. Абуева делает это с видимым удовольствием, с возвышенным пафосом, порой избыточным. Некоторые стихи цикла «Песнь о Дагестане» своей торжественностью, одическим ритмом напоминают слова каких-то гимнов. Другие же – реалистичны и исполнены преклонения перед величием природы гор.

Божественна гора в своем величье,
Свидетельство являя нам того,
Как вечен мир...
Но от горы в отличие
Река бурлит творением его.

Ведь горы неподвижны. Их значенье
Стоять из века в век и утверждать
Божественность в причудливом знаменье,
Пейзаж один и тот же созерцать. <...> [1, с. 34]

(«Божественна гора в своем величье...»)

Ж. Абуевой удалось верно передать всю силу и мощь горного пейзажа. Выразительные образные сравнения, метафоры создают воистину величественную картину, где нет места людским страстям, мелким чувствам, суете. Только природа, которая ни в ком не нуждается и великолепна сама по себе. Подобные стихи рождаются тогда, когда в душе поэта возникает тяготение к идеалу, к гармоничным или, по крайней мере, здоровым отношениям к миру, к чистоте и прозрачности.

Во многих своих произведениях Ж. Абуева демонстрирует традиционализм, не переходящий рамок традиционности, но обновленный влиянием поэзии классиков, Лермонтова в первую очередь. Она творит и перерабатывает, привнося при этом личностный элемент своего сознания и подсознания. Опора на филологическую традицию (а она безусловно влияет на ее творчество) придает поэзии дополнительную энергетику, усиливая воздействие поэтического слова на читателя. Среди наиболее почитаемых ею авторов она называет А. Вознесенского, Р. Рождественского, Е. Евтушенко, А. Дементьева, В. Высоцкого. Дагестанская тематика тесно связана в первую очередь с творчеством Расула Гамзатова, но в ее случае – это редко подражание, а чаще – творческий импульс, эмоциональный заряд, продолженный и трансформированный в новые формы и образы. Прямо или опосредованно, но Абуева сама указывает во многих своих стихах на непосредственную, живую их связь с творениями классиков. Расулу Гамзатову посвятила она не одно стихотворение. Наиболее ярким примером может служить стихотворение «Поэт»:

Окончен день. И в тишине глубокой
Сидит Поэт в печали одинокой,

Мечтая лишь в обитель чтоб Поэта
Влетела Муза в переливах света.

Неважно, на дворе зима иль лето,
Людьми весь день заполнен дом Поэта,
Себе он днем принадлежать не может
И только ночь одна ему поможет.

Именно в таких, коротких, психологически углубленных зарисовках открывается вся жанровая и образная оригинальность ее поэтической речи. Поэт в ожидании Музы – мотив классический, здесь принимает оригинальное воплощение:

И вот Она Поэта навестила,
И вдохновеньем щедро опоила,
По дому все кружила и летала,
И в доме места было ей все мало <...> [1, с. 13].

Сложная вязь чувств, «раздвоенная» поэтика, во многом субъективная и небезукоризненная, но насыщенная выразительными средствами, – свидетельство поиска новых сюжетно-образных и речевых форм внутри привычной традиционности.

Здесь нет славословий в адрес Поэта, но выразительно показан драматизм восприятия им окружающего мира на закате жизни. Психологическая окраска образа Поэта, данная в нескольких строках, выражает больше, чем десятки эпитетов, сравнений. Деликатное проникновение в ментальный мир творца, точные детали его повседневности, которую он принимает привычно, и ночи, когда на «столе уснувшего Поэта / Творение застыло, все из света», ночь как уход от реальности во власть Музы – все это выделяет этот текст из множества посвящений Поэту.

Следует заметить, что, несмотря на частое использование лирико-романтических образов, в стихах Абуевой часты доступно-бытовые детали бытия. Фиксация того, что было выхвачено из потока жизни, нарочитая приземленность изображаемого соседствуют с «высоким стилем» вполне органично. Именно эта особенность ее текстов – способ создать между автором и читателем особый, доверительный контакт.

Как уже отмечалось выше, сборник «Дагестан, любовь моя и боль...» состоит из нескольких тематических циклов. В большинстве своем здесь собраны лиро-эпические тексты, отличающиеся друг от друга не только стилем, но и формой выражения авторского сознания.

Во многих случаях в ее стихах можно отметить дидактико-назидательную составляющую. При общей философской направленности ее текстов здесь все-таки зачастую преобладает публицистичность, прямо бьющая в цель правдивостью и резкостью выраженных в ней чувств. Дидактико-философская насыщенность не позволяет делать произведения развлекательными. Насыщенная сентенциями подобная литература во все времена пользовалась широкой популярностью и играла свою несомненную роль в улучшении моральных устоев общества. Дидактическая гибкость определения служит здесь точной шкалой оценок человека в проявлении того или иного качества человеческой личности.

В «Балладе о заброшенном ауле» автор с горечью пишет об оставшихся в целом ауле двух стариках. Их воспоминания о прошлом, и даже их горести, – все это на фоне родных гор – кажутся теперь недостижимым счастьем. В этом произведении Ж. Абуева не избежала соблазна использовать готовые, затертые клише, многократно повторяемые в поэзии на тему о заброшенных очагах: «Горянка старая, что рядышком присела, / Была еще недавно молодой», «Иными люди сделались людьми. / Уж недосуг им замечать ущелий...», «Покинул сын родной аул далекий / И променял на «мерседес» коня, / В наряде городском он важно ходит, / На шее цепью золотой звеня...» и т. д.

Способность настроить читателя на собственный лад, передать ему свои эмоции, зачастую очень откровенные, – главная особенность творчества Ж. Абуевой. Ей важен читатель сопереживающий, сочувствующий. Она хорошо понимает истоки жестокости, опустошенности души и безысходное одиночество людей, затерявшихся не где-нибудь, а в родном краю:

...«Страной израненных камней»
Ты горько прозвана поэтом,
Отдавшим мир души своей
За мир в тебе на свете этом.

Страна израненных камней,
Тебе ущелья стали тесны,
Во славу родины моей
Давно не те поются песни.

Хотя по-прежнему собой
Врастаешь в Память неустанно...
Один предатель, трус – другой,
А третий – совесть Дагестана [1, с. 100].

(«Страной израненных камней...»)

Для Ж. Абуевой понятие патриотизма, гражданственности означает и художественную ориентацию и жизненный выбор.

Попрашение заветов предков, справедливости, отступление от истины, утверждает она, грозит тяжкой карой. Есть истины, которые применимы во все времена и ко всем людям. Она тяготеет к историческому прошлому Дагестана, лакского народа, но при этом самым важным свойством ее стиха является острое ощущение современности, живой связи с ней. Даже там, где речь идет о традиционном, известном, привычном, Ж. Абуева пытается все переосмыслить, сделать ярким, впечатляющим, заставить играть свежими красками.

В стихотворении «Лакцы» красочность, чувство реальности, прихотливо сочетаясь с горской сдержанностью, юмором, образуют интереснейший сплав.

Народ мой мал числом и должностями,
Его «места» урезаны везде,
Но это не беда, поскольку сами
Умеем удержаться мы в седле.

В науках ли, в искусстве иль в оружье
Народ всегда мой был на высоте,
И если в космос полететь нам нужно,
Окажемся мы там – как и везде.

Нас «хитрыми» зовут и добавляют,
Что даже внутрь арбуза мы войдем,
Но вот беда: арбуз-то тот съедают,
И не всегда мы выйти успеваем,
Когда арбуз разрезан едоком.

Народ мой мал числом – но не делами,
Булат свой он столетьями ковал,
Землей родной вскормленный и горами,
Он жизнь свою за горы отдавал.

В истории народ мой не затерян,
Он право кровью заслужил своей
В Историю войти с парадной двери,
Не с заднего крыльца, не как лакей.

Коварство, вероломство и двуличье –
Народу чуждо это моему.
Ягненка шкура и волка обличье –
Все это не про нас, и потому

Дорогу мы иную выбираем,
Где голова и руки кормят нас,
И любим ближнего,
И мира всем желаем,
Чтоб никогда очаг ваш не погас! [1, с. 108–109]

Как уже отмечалось, поэтическое творчество Ж. Абуевой отмечено разнообразием форм поэтического высказывания, а также тематическим многообразием. Помимо рассмотренных нами лирических, лиро-эпических, публицистических стихов, она пишет посвящения – историческим личностям, знаменитым актерам, классикам литературы, людям, которых считает достойными, друзьям.

В цикле «Лица Дагестана» перед читателем проходит череда исторических персонажей как далекой истории – Сурхай-хан, хан Муртазали, имам Шамиль, так и недалекого прошлого.

И почти в каждом произведении в той или иной мере за стихотворными строками естественно проступает личность автора. Почти каждое отдельное стихотворение достаточно полно и честно рассказывает о своем авторе, которая как поэт понятна и непосредственна. Простой и честный реализм способствует четкости и завершенности ее мысли. В своих стихах Ж. Абуева предстает в полноте реальных характеристик, в разных аспектах своей личности. Рядом с наставлениями традиционного характера уместаются и публицистический накал и лирика, исторические баллады соседствуют со стихами, воспевающими пейзажи горного края. Круг мотивов и тем очертить трудно, ибо они многообразны как проявление самой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абуева Ж. Дагестан, любовь моя и боль. Махачкала: Лотос, 2013. 184 с.
2. Кублановский Ю. В советском поэтическом зоопарке // Новый мир. 2002. № 7.

Поступила в редакцию
08. 09. 2020.

Магомедова Зулехат Кадиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН; e-mail: m.zuleyha68@mail.ru

Magomedova Zuleikhat Kadievna, Doctor of Philology, leading research worker, the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art, DFRC of RAS; e-mail: m.zuleyha68@mail.ru